

§ I. Необходимость МОНОПОЛИИ

Таким образом, монополия — это роковой термин конкуренции, порожденный ее непрерывным отрицанием самой себя: эта генерация (возникновение) монополии уже является оправданием. Потому что, поскольку конкуренция присуща обществу так же, как движение живым существам, монополия, которая следует за ней, которая является ее целью и концом, и без которой конкуренция не была бы принята, монополия есть и будет оставаться законной так долго, пока будет существовать конкуренция, так же долго, как механические процессы и промышленные комбинации, так долго, наконец, как долго разделение труда и образование стоимости будут оставаться необходимыми и законными.

Следовательно, одним лишь фактом логической генерации монополия оправдана. Однако это оправдание может показаться незначительным и приведет лишь к более энергичному отказу от конкуренции, если монополия, в свою очередь, не сможет возникнуть сама по себе и в качестве принципа.

В предыдущих главах мы видели, что разделение труда — это спецификация работника, рассматриваемая прежде всего как продукт интеллекта; что создание машин и организация цеха выражают его свободу: и что через конкуренцию человек или разумная свобода вступают в действие. Значит, монополия является выражением победоносной свободы, ценой борьбы, прославлением гения; это самый сильный стимулятор всего прогресса, достигнутого с начала мира, до такой степени, что, как мы говорили ранее, общество, которое не может существовать вместе с ней, не было бы создано без нее.

Откуда же тогда возникает в монополии эта исключительная добродетель, из-за которой этимология слова и вульгарный аспект вещи так далеки от того, чтобы дать нам идею?

Монополия по сути — это самодержавие человека над самим собой: это диктаторское право, предоставленное природой любому производителю, — использовать свои способности по своему усмотрению, способствовать расцвету его мысли в любом направлении, которое он предпочитает, теоретизировать по такой специальности, какая ему нравится, всеми возможными средствами, независимо распоряжаться инструментами, которые он создал, и капиталом, накопленным его сбережениями, для такого предприятия, которое, как он считает, сможет избежать рисков, и при условии единоличного наслаждения плодами открытий и прибылью предприятия.

Это право настолько сильно выражает сущность свободы, что отрицание этого наносит увечья человеку в его теле, в его душе и в использовании его способностей, и что общество,

которое развивается только благодаря свободному развитию индивидуумов, если оно мешает первопроходцам, приходит к остановке на пути своего развития.

Пришло время посредством фактов сформировать тело для всех этих идей.

Я знаю местечко, где с незапамятных времен не было дорог ни для расчистки земель, ни для внешних коммуникаций. В течение трех четвертей года любой импорт или экспорт товаров был невозможен; барьер из грязи и болот защищал как от любого пришествия извне, так и от любой вылазки наружу жителей священной деревни. Шести лошадей в хорошую погоду едва хватало, чтобы исполнять нагрузку одной клячи, идущей шагом по нормальной дороге. Мэр этого места решил, несмотря на совет жителей, проложить путь по его территории. Долгое время над ним издевались, его проклинали, ненавидели. Мы еще должны учесть до окончания его пути: что заставляло его потратить деньги коммуны, время фермеров на благоустройство, перевозки и прочее? Это для удовлетворения своей гордости г-н мэр хотел за счет бедных фермеров открыть такой красивый проспект для друзей местечка, которые приедут в гости!... Несмотря на все, дорога была проложена, и крестьяне аплодировали! Какое отличие! — говорили они: раньше мы брали восемь лошадей, чтобы отвезти тридцать мешков на рынок, и мы оставались на три дня; теперь мы уезжаем утром на двух лошадях, а вечером возвращаемся. — Но во всех этих речах отсутствовало упоминание мэра. Поскольку это событие доказало его правоту, о нем перестали говорить: я даже уверен, что большинство из них были против него.

Этот мэр вел себя, как Аристид [181]. Предположим, что, устав от абсурдных выкриков, он должен был бы по принципу, предложенному его гражданами, соорудить дорогу за свой счет при условии, что ему бы потом выплачивали в течение пятидесяти лет дорожную пошлину, причем каждый, как в прошлом, продолжал бы пользоваться правом ездить по полям: в чем бы эта сделка была мошеннической?

Вот история общества и монополистов.

Не каждый может подарить своим согражданам дорогу или машину: как правило, изобретатель, исчерпав свое здоровье и добро, ждет награды. Откажитесь, еще и высмеивая их, от Аркрайта [182], Ватта [183], Жаккара [184], от преимуществ их открытий; они закроются для работы и, возможно, унесут свои секреты в могилу. Откажите поселенцам во владении земель, которую они расчищают, и никто не расчистит ее.

Но, говорят, разве это настоящий закон, общественный закон, братский закон? То, что прощается примитивному сообществу, в силу необходимости является лишь временным и должно исчезнуть перед более полным пониманием прав и обязанностей человека и общества.

Я не уклоняюсь от какой-либо гипотезы: посмотрим, углубимся. Это уже большое достижение, что с момента признания противников в первый период цивилизации все не могло происходить иначе. Остается узнать, действительно ли учреждения этого периода, как говорили, являются лишь временными, или же они являются результатом законов, присущих обществу, и вечными. Значит, тезис, который я поддерживаю в данный момент,

тем более сложен, что он прямо противоположен общей тенденции, и что сейчас мне придется самому его опровергнуть его же противоречием.

Поэтому я молюсь, чтобы кто-нибудь сказал мне, как можно апеллировать к принципам общительности, братства и солидарности, когда само общество отвергает любые солидарность и братские соглашения? От начала каждой отрасли, на первом проблеске открытия, человек, который изобретает, изолирован; общество отказывается от него и остается позади. Проще говоря, этот человек в отношении к идее, которую он задумал и которую он преследует, становится для нее единственным обществом в целом. У него больше нет партнеров, нет сотрудников, нет поручителей; все спасаются от него: ему одному остается ответственность, ему одному остаются, следовательно, выгоды от теорий.

Настаиваем: это слепота со стороны общества, отказ от его самых священных прав и интересов, благополучия будущих поколений; а спекулянт, лучше информированный или более удачливый, не может без нелояльности воспользоваться монополией, которую предоставляет ему всеобщее невежество.

Я утверждаю, что такое поведение общества на сегодня является актом высокого благоразумия; а что касается будущего, я покажу, что оно не проиграет. Я уже показал, гл. 2, путем решения антиномии ценности, что преимущество любого полезного открытия несравненно меньше для изобретателя, чем бы он ни занимался, чем для общества; я произвел демонстрацию по этому вопросу с математической точностью. Позже я покажу еще, что в дополнение к прибыли, которая гарантируется ему при любом открытии, общество использует, исходя из привилегий, которые оно предоставляет, временно или навсегда, репетиции нескольких видов, которые в значительной степени покрывают избыток определенных частных состояний, чей эффект быстро возвращает баланс. Но не будем предвосхищать.

Итак, я замечаю, что общественная жизнь проявляется двумя способами: *сохранением и развитием*.

Развитие происходит через расцвет индивидуальных энергий; масса по своей природе бесплодна, пассивна и невосприимчива к любой новизне. Это, если я осмелюсь использовать это сравнение, матрица, стерильная сама по себе, но в которой высаживаются ростки, созданные частной деятельностью, которая в гермафродитном обществе на самом деле исполняет функцию мужского органа.

Но общество сохраняется только до тех пор, пока оно ускользает от солидарности конкретных спекуляций, и оставляет абсолютно все инновации на риск и опасность отдельных личностей. Можно на нескольких страницах перечислить полезные изобретения. Количество успешных компаний можно подсчитать: нет цифр, которые выражали бы множество заблуждений и безрассудных опытов, которые постоянно появляются в человеческих головах. Нет изобретателя, нет работника, который бы в здравом уме не породил тысячи химер; нет интеллекта, который бы посредством вспышек разума не выбрасывал вихрем дыма. Если бы было возможно сделать две части из всех продуктов человеческого разума и поставить с одной стороны полезные работы, с другой — все

ошибки, на которые были потрачены силы, разум, капитал и время, можно было бы с ужасом увидеть, что вторая часть превышает первую, возможно, на миллиард процентов. Что будет с обществом, если оно должно будет оплатить этот пассив и урегулировать все эти банкротства? Что, в свою очередь, стало бы с ответственностью и достоинством рабочего, если бы он, прикрываясь социальной гарантией, мог без риска для себя предаваться всем прихотям бредового воображения и играть в любой момент существованием человечества?

Исходя из всего этого, я делаю вывод, что то, что практиковалось с самого начала, будет практиковаться до конца, и что в этом вопросе, как и в любом другом, если мы стремимся к примирению, абсурдно думать, что нечто из существующего может быть отменено. Поскольку мир идей бесконечен, как природа, а люди подвержены домыслам, то есть ошибкам, сегодня, как никогда, для индивидуумов существует постоянное устремление спекулировать, а для общества — причина, чтобы остерегаться и быть осторожным, поэтому всегда возникает материя монополии.

Что мы предлагаем, чтобы выйти из этой дилеммы? Выкуп? Во-первых, выкуп невозможен: все ценные бумаги монополизированы, и где общество будет брать то, что компенсирует монополистов? каким будет его залог? С другой стороны, поглощение было бы совершенно бесполезным: когда все монополии будут выкуплены, останется организовать промышленность; где же тут система? На чем основано мнение? Какие проблемы были решены? Если организация иерархического типа, мы возвращаемся в режим монополии; если демократического типа, мы возвращаемся к исходной точке; выкупленные отрасли промышленности попадут в общественное достояние, то есть в конкуренцию, и постепенно снова станут монополиями; — наконец, если организация коммунистического типа, мы лишь перейдем от одной невозможности к другой; ибо в этом случае, как мы покажем в свое время, сообщество, так же, как конкуренция и монополия, является противоречивым, невозможным.

Чтобы не использовать общественное достояние в условиях неограниченной солидарности, а следовательно, и фатально, будем ли мы вынуждены навязывать правила духу изобретательности и предприимчивости? Создавать цензуру для гениальных людей и сумасшедших? это предполагать, что общество заранее знает, что именно является вопросом открытия. Подчинять проекты предпринимателей предварительной экспертизе — значит *априори* запрещать любое движение. Потому что, опять же, относительно цели, которую он намечает, есть момент, когда каждый промышленник представляет в своем лице само общество, видит лучше и дальше, чем все остальные люди, вместе взятые, и очень часто без возможности объясниться и быть понятым. Когда предшественники Ньютона Коперник, Кеплер и Галилей обратились к христианскому обществу, будучи представленными церковью: Библия была неправа; земля вращается, а солнце неподвижно; они были правы против общества, которое одновременно чувством веры и традиций их отвергало. Могло ли общество согласиться с солидарностью системы Коперника? Оно могло это в такой малой степени, в какой эта система открыто противоречила его вере, и в какой Галилей, один из сознательных изобретателей, ожидая согласия разума и откровения, подвергся пыткам в доказательство новой идеи. Я полагаю, мы более терпимы; но именно эта терпимость доказывает, что, предоставляя больше свободы гению, мы не собираемся быть менее осторожными, чем наши предки. Патенты на изобретения сыплются, но без

государственных гарантий. Права собственности помещены на попечение граждан; но ни кадастр, ни договор не гарантируют стоимости: стоимость выяснится в ходе работы. А что касается научных и других задач, которые правительство наудачу поручает исследователям без денег, то это грабеж и коррупция.

На самом деле общество не может гарантировать кому-либо капитал, необходимый для экспериментов с идеей; по закону оно не может требовать результата предприятия, на которое оно не подписано: поэтому монополия неразрушима. Кроме того, солидарность была бы бесполезна: поскольку если каждый может требовать всеобщей солидарности в пользу своих фантазий и иметь право на получение незаполненного чека правительства, мы скоро придем к универсальному произволу, то есть, откровенно и просто говоря, к *статус-кво*.

Некоторые социалисты, воодушевленные, к сожалению, я заявляю об этом со всей ответственностью, евангельскими абстракциями, считали, что преодолевают трудность с помощью этих прекрасных изречений: — Неравенство способностей является доказательством неравенства обязанностей; — Вы получили больше от природы, дайте больше своим братьям, — и другие звонкие и трогательные предложения, которые никогда не упускают своего влияния на пустые умы, но, тем не менее, являются всем, что можно представить самым невинным. Практическая формула, которая выходит из этих замечательных высказываний, состоит в том, что каждый работник должен все свое время обществу, и что общество должно дать ему взамен все, что необходимо для удовлетворения его потребностей, в меру ресурсов, которыми оно располагает.

Пусть мои друзья-коммунисты простят меня! Я был бы менее суров к их идеям, если бы не был непобедимо убежден в своем разуме и в своем сердце, что сообщество, республиканизм и все социальные, политические и религиозные утопии, которые пренебрегают фактами и критикой, являются самым большим препятствием на пути прогресса в настоящее время. Как можно не понимать, что братство может быть установлено только справедливостью; что только справедливость, условие, средство и закон свободы и братства должны быть объектом нашего исследования, и что мы должны неустанно добиваться, вплоть до мельчайших деталей, определения и формулы? Как авторы, знакомые с экономическим языком, забывают, что превосходство талантов является синонимом превосходства потребностей, и что не стоит ожидать от мощных личностей чего-то большего, чем вульгарность, общество должно постоянно следить за тем, чтобы они не получали больше, чем они отдают, когда у масс уже так много проблем с возмещением всего, что они получают? Несмотря на то, что каждый крутится, как хочет, всегда нужно сверяться с кассовой книгой, со счетом доходов и расходов, единственной гарантией как от крупных потребителей, так и от мелких производителей. Рабочий постоянно опережает свое производство; он всегда стремится к тому, чтобы брать *кредиты*, сокращать *долги* и терпеть *разорение*; ему постоянно нужно напоминать афоризм Сэя о том, что *продукты можно покупать только вместе с продуктами*.

Предположить, что работник с высокой производительностью может удовольствоваться в пользу малых половиной своей зарплаты, бесплатно предоставлять свои услуги и, как говорят в народе, *работать на короля Пруссии*, то есть для этой абстракции, которая

называется обществом, сувереном или моими братьями: это полагание общества на чувство, я не говорю, что недоступное для человека, но которое, систематически возводимое в принцип, является лишь ложной добродетелью, опасным лицемерием. Благотворительность предписывается нам как возмещение за немощи, которые случайно поражают нас подобных, и я понимаю, что с этой точки зрения благотворительность может быть организована; я понимаю, что, исходя из самой солидарности, она становится справедливостью. Но благотворительность, взятая в качестве инструмента равенства и закона равновесия, была бы распадом общества. Равенство между людьми достигается строгим и негибким законом труда, пропорциональностью стоимостей, искренностью обменов и эквивалентностью функций; одним словом, математическим решением всех антагонизмов.

Вот почему благотворительность, первая добродетель христианина, законная надежда социалиста, цель всех усилий экономиста, становится социальным пороком, как только она становится принципом организации и закона; вот почему некоторые экономисты могли сказать, что легальная благотворительность причинила больше вреда обществу, чем узурпация собственности. Человек, как и общество, частью которого он является, находится с самим собой в вечном текущем счете; все, что он потребляет, он должен производить. Это общее правило, без которого никто не может обойтись без того, чтобы его, *ipso facto* (в силу факта) не оскорбляли и не подозревали в мошенничестве. Действительно странная идея — устанавливать под предлогом братства относительную неполноценность большинства людей! После этого прекрасного заявления останется только получить последствия; и скоро, благодаря братству, аристократия вернется.

Удвойте нормальную заработную плату рабочего, и вы пригласите его к лени, вы унижите его достоинство и деморализуете его совесть; — отнимите законную цену его усилий, и вы пробудите его гнев или превознесете его гордость. В любом случае вы нарушаете его братские чувства. Напротив, доведите условие труда до удовольствия, единственного способа, который природа обеспечивает для объединения людей, делающий их добрыми и счастливыми; вы вернетесь к закону экономического распределения, гласящему, что *продукты покупаются с продуктами*. Коммунизм, я часто говорил об этом, является самым отрицанием общества в его основе, которое является прогрессивной эквивалентностью верований и способностей. Коммунисты, к которым склоняется весь социализм, не верят в равенство природы и образования; они заменяют это державными указами, но, что бы они ни делали, неосуществимыми. Вместо того, чтобы искать справедливость в соотношении фактов, они берут ее в своей чувственности; называя справедливостью все, что им кажется любовью к ближнему, и постоянно путая разум с чувствами.

Зачем тогда постоянно вмешиваться в вопросы экономики, братства, благотворительности, преданности и Бога? Не будет ли утопистам легче высказываться об этих громких словах, чем всерьез изучать социальные проявления?

Братство! Братья, если хотите, при условии, что я старший брат, а вы — младший; при условии, что общество, наша общая мать, уважает мое первородство и мои услуги, удваивая мою долю. — Вы будете удовлетворять мои потребности, говорите вы, в пределах ваших возможностей. Я ожидаю, напротив, что это будет адекватно моему труду; в противном

случае я прекращаю работать.

Благотворительность! Я отрицаю благотворительность, это из области мистицизма. Напрасно вы говорите мне о братстве и любви: я по-прежнему убежден, что вы меня едва ли любите, и я очень хорошо чувствую, что не люблю вас. Ваша дружба — лишь притворство, и если вы меня любите, то только из интереса. Я требую то, что мне причитается, только то, что причитается: почему вы мне отказываете?

Преданность! Я отрицаю преданность, это из области мистицизма. Поговорите со мной о том, что *должно быть*, и *что есть*, единственной критерии в моих глазах справедливости и несправедливости, добра и зла в обществе. Каждому по делам его, это во-первых: и если при случае меня приучают помогать вам, я буду делать это с добротой; но я не хочу быть принужденным. Принуждать меня к преданности — это убивать меня!

Бог! Я не знаю Бога, это все тоже из области мистицизма. Начните с удаления этого слова из ваших речей, если вы хотите, чтобы я вас слушал: ибо за три тысячи лет опыта я понял, что если кто-то говорит со мной о Боге, то он посягает на мою свободу или мой кошелек. Сколько вы мне должны? сколько я вам должен? вот моя религия и мой Бог.

Монополия существует природой и человеком: ее источник одновременно как в глубине нашего сознания, так и во внешнем факте нашей индивидуализации. Так же, как в нашем теле и нашем разуме, все является специальностью и собственностью; так же наш труд происходит с чистым и специфическим характером, который составляет его качество и стоимость. И поскольку труд не может проявиться без материи или объекта осуществления, человеку обязательно требуется это, монополия устанавливается от субъекта к объекту так же неумолимо, как продолжительность образуется из прошлого в будущее. Пчелы, муравьи и другие общественные животные кажутся индивидуально одаренными только в автоматизме; душа и инстинкт у них почти исключительно коллективные. Вот почему среди этих животных не может быть места для привилегий и монополии; вот почему в своих операциях, даже самых продуманных, они не советуются и не обдумывают. Но если человечество индивидуализировано в своем множестве, человек неизбежно становится монополистом, к тому же, не будучи монополистом, он — ничто; и общественная проблема состоит в том, чтобы знать не как отменить, а как примирить все монополии.

Наиболее значительными и непосредственными последствиями монополии являются:

1) В политическом порядке классификация человечества на семьи, племена, города, нации, государства: это элементарное разделение человечества на группы и подгруппы рабочих, отличающихся своими расами, языками, обычаями и климатом. Именно благодаря монополии человеческий род овладел земным шаром, так же, как благодаря ассоциации он станет полностью независимым.

Политическое и гражданское право, задуманное всеми без исключения законодателями и сформулированное правоведами, порожденное этой патриотической и национальной организацией обществ, образует в ряду социальных противоречий первое и обширное ответвление, изучение которого само по себе потребовало бы в четыре раза больше

времени, чем мы можем выделить на вопрос промышленной экономики, поставленный Академией.

2) В экономическом порядке монополия способствует повышению благосостояния, в первую очередь увеличивая общее благосостояние за счет совершенствования средств; затем КАПИТАЛИЗИРУЯ, что означает консолидацию завоеваний труда, полученных путем разделения, машин и конкуренции. Из этого эффекта монополии возникла экономическая фикция, согласно которой капиталист рассматривается как производитель, а капитал — как агент производства; затем, как следствие этого вымысла, — теория *чистой прибыли* и *валовой прибыли*.

В связи с этим мы должны представить некоторые соображения. Сначала процитируем Ж.-Б. Сэя.

«Произведенная стоимость — это *валовая прибыль*, эта стоимость после вычета издержек производства является *чистой прибылью*».

Если рассматривать нацию в массе, у нее нет чистой прибыли; поскольку продукты располагают только стоимостью производства, то когда вычитают эти затраты, вычитают всю стоимость

Благотворительность, первая добродетель христианина, законная надежда социалиста, цель всех усилий экономиста, становится социальным пороком, как только она становится принципом организации и закона продуктов [185]. Поэтому национальное производство, ежегодное производство всегда следует понимать как валовое производство.

Годовой доход — это валовый доход.

Чистое производство может быть понято тогда, когда речь идет об интересах одного производителя отдельно от интересов других производителей. Предприниматель получает *прибыль* от *произведенной* стоимости за вычетом *потребительской* стоимости. Но то, что для него является *потребительской* стоимостью, такой, как покупка производственной услуги, для автора услуги является частью дохода» (*Политэкономический договор*, аналитическая таблица).

Эти определения безупречны. К сожалению, Ж.-Б. Сэй не почувствовал всей значимости этого и не мог предвидеть, что однажды его непосредственный преемник в колледже Франции атакует их. Г-н Росси стремился опровергнуть положение Ж.-Б. Сэя о том, что *для нации чистая прибыль — то же самое, что валовая прибыль*, исходя из того, что нации, так же, как предприниматели, ничего не производят без авансов (задатков), и что если формула Ж.-Б. Сэя верна, то аксиома *ex nihilo nihil fit* (из ничего ничто не происходит) больше не существует.

Значит, это именно то, что происходит. Человечество, как и Бог, производит все из ничего, *ex nihilo hilum* (из ничего нечто), так же, как оно само является продуктом из ничего, так же, как его мысль исходит из ничего; и г-н Росси не допустил бы такого недоразумения, если бы

он не перепутал, вместе с физиократами, продукты индустриального царства с продуктами животного, растительного и минерального царств. Политическая экономия начинается с труда; развивается через труд; и все, что не исходит от работы, попадает в чистую пользу, то есть в категорию вещей, подверженных действию человека, но еще не обретших способности к обмену посредством труда, радикально отчужденных от политической экономии. Сама монополия, несмотря на ее появление под воздействием коллективной воли, ничего не меняет в этих отношениях, поскольку и в соответствии с историей, и в соответствии с письменным законом, и в соответствии с экономической теорией монополия существует или должна существовать только после вложенного труда.

Таким образом, доктрина Сэя недостижима. По отношению к предпринимателю, чья деятельность всегда связана с другими производителями, сотрудничающими с ним, прибыль — это то, что остается от произведенной стоимости после вычета стоимостей потребления, среди которых следует выделять зарплату предпринимателя, другими словами, его жалование. По отношению к обществу, которое содержит все возможные специальности, чистая прибыль идентична валовой прибыли.

Но есть пункт, объяснение которого я тщетно искал у Сэя и других экономистов, а именно — как устанавливается реальность и законность чистой прибыли. Поскольку ощутимо, что для того, чтобы заставить исчезнуть чистую прибыль, было бы достаточно увеличить заработную плату рабочих и уровень стоимостей потребления, оставив прежней цену продаж. Поскольку ничто, кажется, не может отличить чистую прибыль от вычета, произведенного из зарплат, или, что то же самое, от изъятия с потребителя, чистая прибыль выглядит как вымогательство, предпринятое с помощью силы и без малейшего проявления права.

Эта трудность была ранее решена в нашей теории пропорциональности стоимостей.

Согласно этой теории, любой эксплуататор машины, идеи или капитала должен рассматриваться как человек, который при равных затратах увеличивает сумму определенного вида продукции и, следовательно, увеличивает общественное благосостояние за счет экономии времени. Принцип легитимности чистого продукта заключается, таким образом, в способах, которые ранее использовались: если новая комбинация будет успешной, возникнет избыток стоимостей и, следовательно, прибыль, это чистая прибыль; если предприятие будет базироваться на ложной основе, возникнет дефицит валового продукта, а также долгий путь разрушения и банкротства. В том же случае, и это наиболее часто происходит, когда не существует никаких инноваций со стороны предпринимателя, кроме тех, которые обеспечивают успех промышленности в целом, правило чистой прибыли остается в силе. Тем не менее, из того, что в соответствии с природой монополии любое предприятие должно оставаться для предпринимателя под угрозой и опасностями, следует, что чистая прибыль принадлежит ему под самым священным среди людей названием — труда и ума (интеллекта). Излишне напоминать, что чистая прибыль часто преувеличивается либо путем мошеннического сокращения заработной платы, либо любым другим способом. Это злоупотребления, которые исходят не из принципа, а из человеческой жадности и которые остаются вне сферы теории. Кроме того, я показал, рассматривая образование стоимости, гл. II, § 2: 1. как чистая прибыль

никогда не может превышать разницу, которая является результатом неравенства средств производства; 2. как прибыль, получаемая обществом от каждого нового изобретения, оказывается несравнимо большей, чем прибыль предпринимателя. Я не буду возвращаться к этим вопросам, которые к настоящему времени уже исчерпаны: я лишь отмечу, что благодаря промышленному прогрессу чистая прибыль имеет постоянную тенденцию к снижению для промышленника, в то время как, с другой стороны, благосостояние увеличивается, так же, как концентрические слои, составляющие ствол дерева, становятся тоньше по мере роста дерева и по мере удаления от центра.

Наряду с чистой прибылью, естественным вознаграждением рабочего, я сообщал, как об одном из счастливейших последствий монополии, о *капитализации* стоимостей, из которой рождается другой вид прибыли, а именно *проценты* или аренда капитала. — Что касается *ренды*, при том, что ее часто путают с процентами; хотя, грубо говоря, это суммируется, так же, как прибыль и проценты, в общем выражении ДОХОД,— это нечто иное, чем проценты; она возникает не из монополии, а из собственности; она связана с особой теорией, и мы будем говорить о ней в свое время. Что же это за реальность, известная всем народам, и все же до сих пор так плохо определенная, которая называется процентом или ценой займа, и которая порождает фикцию производительности капитала?

Всем известно, что предприниматель, когда он учитывает свои производственные затраты, обычно делит их на три категории:

- 1) Стоимости потребления и оплаченные услуги;
- 2) его личное жалование;
- 3) амортизация и проценты по капиталу.

Именно из этой последней категории расходов родилось различие между предпринимателем и капиталистом, хотя эти два названия попережнему выражают только одну и ту же способность — монополию.

Таким образом, промышленное предприятие, которое дает только проценты по капиталу и ничего для чистой прибыли, является ничтожным предприятием, которое приводит только к преобразованию своих стоимостей, не добавляя ничего к богатству; наконец, предприятие, у которого нет оснований для существования и которое покинуто в первый же день. Как же тогда получается, что этот процент по капиталу не рассматривается как достаточное дополнение к чистой прибыли? Как он сам не является чистой прибылью?

В этом заключен новый изъян философии экономистов. Чтобы защитить ростовщичество, они утверждали, что капитал продуктивен, и они превратили метафору в реальность. Социалисты антисобственники не утруждали себя ниспровержением их софизмов; и в результате этой полемики возник такой ущерб теории капитала, что сегодня в сознании народа *капиталист* и *бездельник* являются синонимами. Разумеется, я не собираюсь здесь отказываться от того, что я сам поддерживал вместе со многими другими, или реабилитировать класс граждан, которые так странно игнорируют свои обязанности: но интересы науки и самого пролетариата вынуждают меня дополнять мои первые утверждения и поддерживать истинные принципы.

1) Всякое производство осуществляется с целью потребления, то есть пользования. В обществе слова, соотносимые с производством и потреблением, так же, как и слова чистая прибыль и валовая прибыль, обозначают совершенно идентичную вещь. Поэтому, если после того, как рабочий произвел чистую прибыль, он, вместо того, чтобы использовать ее для повышения своего благосостояния, ограничился своей заработной платой и применил излишек, который ему выпадает в новом производстве, как и многие люди, которые зарабатывают только для того, чтобы покупать, производство будет расти бесконечно, в то время как благосостояние и, с точки зрения общества, население будут оставаться в *status quo* (в существующем положении вещей). Значит, процент капитала, привлеченного промышленным предприятием, и который был сформирован постепенно путем накопления чистой прибыли, этот процент — как сделка между необходимостью увеличения, с одной стороны, производства, и, с другой стороны, благосостоянием; это способ воспроизводить и потреблять в то же время чистую прибыль. Вот почему некоторые промышленные компании платят своим акционерам дивиденды еще до того, как компания заплатит что-либо. Жизнь коротка, успех приходит на короткое время; с одной стороны, труд приказывает, с другой — человек хочет наслаждаться. Для выполнения всех этих требований чистая прибыль будет возвращена в производство; но между тем (*inter-ea, inter-esse*), то есть в ожидании нового продукта, капиталист будет наслаждаться.

Таким образом, поскольку показатель чистой прибыли отмечает прогресс богатства; процент по капиталу, без которого чистая прибыль была бы бесполезна и даже не существовала бы, свидетельствует о прогрессе благосостояния. Какая бы форма правления ни была установлена среди людей, независимо от того, живут ли они в условиях монополии или сообщества, открыт ли счет каждому работнику с помощью кредита и дебета, или что сообщество распределяет для него труд и удовольствие, закон, который мы только что выпустили, всегда будет выполняться. Подсчеты наших процентов свидетельствуют именно об этом.

2) Стоимости, создаваемые чистой прибылью, входят в сбережения и капитализируются там в наиболее выгодной для обмена форме, наименее подверженной амортизации и наиболее свободной, одним словом, в денежной форме, единственной образованной стоимости. Поскольку этот капитал, каким бы свободным он ни был, стремится принять форму машин, зданий и т. д.; он все еще будет способен к обмену, но гораздо более, чем раньше, подвержен колебаниям спроса и предложения. После того, как он будет принят к использованию, ему будет трудно *освободиться*; и единственным ресурсом владельца будет его эксплуатация. Только эксплуатация может сохранять для капитала его номинальную стоимость; возможно, она увеличит его, возможно, уменьшит. Капитал, преобразованный таким образом, выглядит так, как если бы он был подвергнут опасности в морском предприятии: проценты — это страховая премия капитала. И эта премия будет более или менее высокой, в зависимости от обилия или нехватки капитала.

Позже еще будут различать страховую премию от процентов капитала, и в результате этого раздвоения возникнут новые факты: таким образом, история человечества есть не что иное, как вечное распознавание концепций ума.

3) Не только интерес к капиталу заставляет работника наслаждаться своими произведениями и обеспечивает его сбережения; но, и это самый замечательный эффект

этого интереса, вознаграждая производителя, он заставляет его работать непрерывно и никогда не останавливаться.

Если предприниматель является капиталистом в отношении самого себя, то может случиться так, что он будет достаточно доволен всей прибылью, чтобы снять проценты со своих фондов: но тогда, несомненно, его производство перестанет развиваться, поскольку потерпит недостатку. Это то, что мы получаем, когда капиталист не является одновременно предпринимателем: поскольку тогда при вычете процента прибыль для производителя становится абсолютно нулевой, его производство становится для него постоянной опасностью, из которой для него становится важным освободиться в ближайшее время. Поскольку благосостояние должно развиваться для общества в бесконечной прогрессии, так же закон производителя заключается в том, что он постоянно реализует излишки: без этого его существование ненадежно, однообразно, утомительно. Поэтому интерес капиталиста к производителю подобен хлысту колонизатора, который звенит над головой спящего раба; это голос прогресса, который кричит: марш, марш! работай, работай! Судьба человека ведет его к счастью, поэтому она запрещает ему отдыхать.

4) Наконец, денежный интерес является условием движения капитала и основным агентом промышленной солидарности. Этот аспект был понят всеми экономистами; и мы будем иметь дело с ним особым образом, заботясь о кредите.

Я доказал, и я думаю, что лучше, чем это было сделано до сих пор:

Что монополия необходима, так как она является антагонистом конкуренции;

Что она является сутью общества, так как без нее оно никогда не оставило бы первобытных лесов, и что без нее оно бы быстро регрессировало;

Наконец, что она является венцом производителя, поскольку либо чистой прибылью, либо процентами капитала, которые она отдает производству, она приносит монополисту увеличение благосостояния, которого заслуживают его предусмотрительность и усилия.

Так будем ли мы славить вместе с экономистами и освящать монополию на благо имущих консерваторов? Я хочу этого, при условии, что, поскольку я сделал их правыми в вышеизложенном, они, в свою очередь, будут правы в отношении того, что будет дальше.

Версия #2

Зверобой создал 14 марта 2025 03:01:38

Зверобой обновил 14 марта 2025 03:04:43